

Сергей Чернышев

СЕМЬ КОЛОНОК О СОБСТВЕННОСТИ

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.
Владислав Ходасевич

Плюс капитализация всей страны

«Человечество вынуждено взяться за капитализацию России – с нашим ли участием либо без нас»¹

11.09.07. О том, чего не оказалось в «Стратегии-2020»

Признаться, давно не успеваю ни читать газет, ни писать в них. Но общественные обстоятельства наши таковы, что волей-неволей раздумываешь о них уже непрестанно. Да так, что порой на ходу ловишь себя на мыслях вслух.

С чего начать ловить эти внутренние монологи? Да хоть бы и с постылых «инноваций».

Вроде прогрессивная идея. Торгуем на мировых рынках своими углеводородами и металлами, но вырученных денег на нормальную жизнь сильно недостает. Давайте поищем, что бы еще такое продать за рубеж? Вот научные идеи – наряду с сырой нефтью. Или еще лучше не сырой, а переработанной. Сиречь, толкнем на рынке идеи не простые, а коммерциализированные – продадим наукоемкую продукцию, которую произведут наши модернизированные заводы.

Тут по ходу дела обнаруживается столько подводных камней, что для воды уже места не хватает. Но пусть в ней плещутся публицисты. Обратимся к делу, к сути.

Со второй половины XX века сосуществуют две стратегии выживания национальных государств в глобальной экономике. Старая, ветхая стратегия – *торговля ресурсами* страны. И новая – нацеленная на их *капитализацию*.

Выясняется: по большому счету неважно, чем торговать – нефтью, ураном или услугами офшорного программирования. Факт, что никому на этом пути особо процвести не удастся. Чуть ли не единственным исключением на первый взгляд представляется Саудовская Аравия с эмиратами. Но это и впрямь исключение – на сравнительно небольшой территории сочетаются крупнейшие в мире запасы углеводородов с ничтожной численностью населения. К тому же международники знают, на какой зыбкой политической почве держатся эти оазисы процветания.

Страны, торгующие своими ресурсами, – готовые жертвы системы нового колониализма. Транснациональные цепочки добавленной стоимости сконструированы так, что центры ее осаждения расположены вне сферы контроля продавцов. Того, что им достается, едва хватает на простое воспроизводство. В ядре глобальной экономики, играющем роль совокупной метрополии, сконцентрированы новые компетенции и финансовые технологии управления колониальной собственностью.

¹ <http://www.izvestia.ru/news/499748>

Ну а Китай? Он же вроде бы торгует продукцией собственного производства, и притом растет быстрее дрожжей.

Но тут совсем иная песня. Китайское руководство, среди прочего, виртуозно реализует стратегию капитализации главного ресурса страны – полумиллиардного массива дешевой рабочей силы.

Капитализация – это не столько цифры биржевой стоимости компании (которые, как известно, могут оказаться дутыми, да и пляшут туда-сюда под влиянием массовых иллюзий и фобий рынка). Капитализация страны – по созвучию с индустриализацией – это систематическая деятельность по превращению всех без исключения ее ресурсов, фондов и активов в работающий капитал. То есть в социальную машину, регулярно приносящую добавленную стоимость.

В чем главный, стратегический ресурс России? Не в газе, не в нефти самих по себе. А в 1/9 земной суши, удельная капитализация совокупных ресурсов которой в несколько раз ниже, чем в среднем по земному шару!

Только не надо бездумно повторять благоглупости о тундре, холодах и т. п. В Норвегии, покрытой мерзлыми скалами, чья южная оконечность расположена на широте петербургских болот, где земель, пригодных для сельского хозяйства меньше трех процентов территории, – удельная капитализация национальных ресурсов в семь раз выше российской. При том что мы располагаем 10% мировой пашни, половиной всемирного фонда черноземов... При том что статистика бесстрастно свидетельствует: на охлаждение человечество расходует больше энергии, чем на обогрев, жара страшнее холодов.

Гектар пахотной земли в Пензенской губернии стоит в пять раз дешевле, чем такой же – в польской Силезии и в двадцать пять – чем в Нидерландах. Это означает, что, будучи в своем природном качестве практически неотличим от польского и голландского, в качестве капитала он приносит российскому собственнику впятеро меньше, чем поляку. Это означает также, что в качестве залоговой стоимости он позволяет польскому собственнику взять на развитие хозяйства впятеро больший кредит, чем россиянину. 500% форы на старте для восточноевропейских предпринимателей! О голландских уж умолчим...

Секрет (если вообще уместно о нем говорить) – в дезориентирующем штампе «производительность труда». Все говорят, будто она у нас вчетверо ниже, чем в США. А отсюда, стало быть, и соответствующий разрыв в зарплате. Быстрее махать лопатой надо, граждане! Но многие наши соотечественники, кому довелось потрудиться на технологически современных производствах дома, а потом податься на Запад в отхожие промыслы, довольно быстро выходят на тамошний уровень личных доходов, не превращаясь при этом в стахановцев. Дело в ином.

Решающий разрыв в капитализации коренится вовсе не на уровне труда-производства. Он генерируется издержками институтов распределения (у нас разрушенных и заброшенных) и институтов обмена (их ветхозаветное качество в РФ отвечает состоянию американских накануне Первой мировой войны). Не «производительность труда», а капитализация квалифицированной рабочей силы, капитализация инженерной и научной компетенции – вот что у нас вчетверо хуже, чем на Западе. Архаичность орудий и условий труда в глубинке только усугубляет, но не создает цивилизационный разрыв. Мобильность трудовых ресурсов, о которой грезят наши инвалиды от идеологии, лишь ведет к мобильному отъезду в те края, где общество озаботилось отстроить институты, позволяющие эти ресурсы капитализировать.

Россия сегодня – главный земной заповедник некапитализированных ресурсов, глобальная неподнятая целина, вторая Антарктида, где лежат под спудом свыше 12% мировых ресурсов всех типов (в том числе остаточный ресурс склонности тающего населения к науке и новаторству). Один лишь экстенсивный подъем уровня их капитализации до среднемирового уже способен добавить пятую часть всемирному

валовому продукту! Человечество просто вынуждено взяться за эту задачу – с нашим ли участием либо без нас.

Здесь – главная угроза суверенитету, целостности страны. И здесь же – главный ресурс возрождения, материальная основа стратегии вхождения в будущее.

Организовать и возглавить глобальный процесс освоения российских ресурсов. Дать возможность всем конструктивным и добросовестным участникам заработать долю – не в основном капитале материального тела страны, а в приросте ее стоимости. И при этом не только сохранить нашу собственность на национальные богатства, но кратно приумножить их.

Увы, об этом в «Стратегии-2020» – не ищите, не найдете ни слова.

Орёл-тандем и птица-тройка

«Любая избираемая власть в принципе никакого отношения к стратегии иметь не может»²

11.10.27. О том, что важнее всего в правящем «тандеме»

Улеглась виртуальная пыль, поднятая реверсом российской преемственности. Тема тандема слетает с древа актуальной повестки, соскальзывая в архив октябрьского листопада. Сетевые слонopotамы, отрубив свое, расползаются восвояси по блоготвицам. Дал слабину нерушимый блог либералов и беспартийных. Навальный грех сменяет благодать. Стихает и патриотический блогвест. В онлайн мир, во человецех благоволение. Тема слита без последствий, как с двуглавого гуся вода.

Блогово – блогу, а кесарево – кесарю.

Разговоры о новом застое выдают короткую память разговорщиков. Вот аутентичный анекдот 30-летней выдержки. Поздно вечером в квартире Л.И. Брежнева раздаётся звонок в дверь. Генеральный, шаркая, ковыляет в прихожую, копается в карманах халата, выуживает из одного очки, криво цепляет на нос, из другого – бумажку, разворачивает, вздевая брови, тупо всматривается, шевелит губами, свободная рука шарит в поисках трибуны... Читает по складам:

– Гр-р-м... Кхе-кхе... Товарищи! Э-э... Кто там?

В тандеме главное не то, что обе ипостаси моложавы, сметливы и неслыханно красноречивы. И даже не прецедент геральдически предугаданного властного двуглавия (если не брать в расчет мимолетный дуэт эпилептического Петра со слабоумным Иваном). Главное – небывалая в постбеловежье перспектива безвыборного шестилетия. А за ним, глядишь, и преемственности руководства, простирающейся за прогнозный горизонт. Преемственности, наконец-то чреватой *стратегией*.

Слово это донельзя истаскано, опошлено рыночными маркетологами и лишено остатков смысла. «Стратегиями» величают всё что ни попадя – от убогого бизнес-плана и до госупражнений в прогнозной аппроксимации второстепенных макроэкономических показателей.

Стратегией – в отличие от политики и экономики – классические греки именовали смертельно значимое искусство руководства полисом в военном противостоянии с другими городами-государствами. А война тогда – как и сейчас – никогда не прекращалась. Вспышки боестолкновений лишь высвечивают перманентную грозу гонки вооружений, чьи тучи,

² <http://www.izvestia.ru/news/505147>

гонимые политическими ветрами, всасывают почти всю влагу с хозяйственных полей.

Итак, функция стратегии в классическом ее понимании – защита, поддержание, расширенное воспроизводство суверенитета страны.

Стратегия – вполне конкретный способ действия. Как и всякий иной, он подразумевает определенного владеющего им субъекта: не быть бортничеству без пчеловода. У него, как и у любого другого рода деятельности, есть свой конкретный предмет: не бывать земледелию без земли.

Стратегические циклы в разы продолжительнее политических, так что зацикленные на политике могут дальше не читать. Типичный ход маятника стратегии – от поражения русских под Нарвой в 1700-м до победного Ништадтского мира в 1721-м – охватывает почти всё царствование Петра.

Орган общества, ответственный за стратегию, субъект выработки стратегических решений по определению не может быть ни короткоживущим, ни выборным. Даже президентская шестилетка по срокам не дотягивает и до первого класса начальной школы стратегии. Тем паче сам стратегический образ мышления и действия фронтально противоречит политическому. Стратегия всегда забирает значимые ресурсы у нынешнего поколения во имя неосязаемого блага будущих – но призывать к этому широкие массы материально озабоченных избирателей для политика самоубийственно.

Что же из этого следует? Следует жить, отдав себе отчет, что общество, ведомое властью в роли верховного института, недолговечно, как поденка. Любая избираемая власть в принципе никакого отношения к стратегии иметь не может. Стратегия нагружает борца за власть неподъемным бременем. Стратег в политических разборках напоминает боксера, вышедшего на ринг с рюкзаком умных книг за спиной.

Конечно, стратег может и должен влиять на политику: формировать политическое поле, состав игроков, правила игры. Но сам (подобно Дэн Сяопину) не может и не должен быть политиком: не царское это дело.

Кто же у нас занимается стратегией? Сказать «никто» – ничего не сказать. Данным откровением так густо исписаны все заборы, что не вставить и трех букв.

Проблема куда фундаментальнее. Конституцией РФ не предусмотрено никаких органов власти и самоуправления, чей цикл выборной перезагрузки простирался бы за горизонт президентской шестилетки. Стратегией заниматься попросту некому. Ну, кроме разве что «многонационального народа», коему Статья 3 утопически приписывает готовность и способность нести тяжкое бремя суверенитета.

Конечно, это можно бы и пообсуждать, но обсуждать-то, в сущности, нечего. Шевельнув первой же извилиной, осознаешь, что демократическое принятие стратегических решений возможно лишь при следующих условиях:

- устойчивое большинство граждан готово лечь костями за отечество;
- оно ставит цели на десятилетия, сиречь искренне печется о грядущих поколениях;
- оно в состоянии осмыслить и взвесить резоны футурологов и политтехнологов, и паче имеет доступ к сверхсекретным разведанным – а иначе какая ж стратегия, какой суверенитет?

И здесь мы юзом, не успев затормозить, въезжаем в сферу трагикомических, стыдных и страшных вопросов русской жизни, о которых не принято даже упоминать в приличном (якобы) обществе.

Какие варианты субъектов-стратегов, ответственных за суверенитет, известны из истории?

Первым делом – монаршая особа, суверен в исходном смысле слова. Считается, проехали.

Затем – разные формы непубличной самоорганизации элит Запада. Ну, у нас ни элиты, ни самоорганизации, да и самые представления об этом числятся по неприличному

ведомству конспирологии.

Наконец – знакомое, как глазам ладонь: правящая партия, партия нового типа. Каковую в 1990-м упразднили росчерком пера. Воистину: метили в коммунизм, а попали в суверенитет. И попали крепко: суверенишки и суверёныши посыпались как перхоть, обнажая лысину с особою метой.

Историки еще надорвут пупки над реформаторским слабоумием: отменили стратегического субъекта! Помните, как бурно веселился Пьер Безухов во французском плену: не пустил меня солдат!

Да, субъект этот мог быть – и был! – реакционным, неадекватным, архаичным и геронтократичным, таким и разэтаким. Сердце, разъеденное инфарктной ржой, подлежит шунтированию, вживлению электронных чипов, наконец – радикальной варяжской трансплантации. Но не ампутации же, о господи, не ампутации! Запредельное новорусское воровство – не худшее порождение той простоты...

И в нынешнем «тандеме» важнее важного не то, каковы неидеальные качества тандемообразующих персон, по каким неправильным правилам они перепасовывают мячик власти, и что станет говорить еврокнягиня Марья Алексевна. А то, что на непрочную, но живую нитку мужской дружбы, честного слова и питерского землячества нижется бусинка-надежда на зарождение стратегического ядра, силы, хоть отчасти резистентной к волнам прыщавой выборной лихорадки, избавленной от политсловоблудия, от ветров, выпускаемых фракциями и подкомитетами, открытой крепнущим ветрам эпохи. Той партии, наконец, что не властвует, а правит.

Но об этом – в другой раз.

Пролетая над ухом власти

**«Под диваном читателя из среднего класса
разверзаются неслыханные, немислимые
бездны»³**

12.01.19. О «Гениальной власти» Павловского и о собственности

Гениальная книга Павловского про «Гениальную власть» напоминает о судимости автора по законам, им самим над собою признанным (мысль из частного письма гражданину Бестужеву, вскоре осуждённому совсем по иным статьям). Но такой кодекс сомасштабности означает приговор рецензии как жанру. В этой связи – реплика только об одной частности. О собственности.

Под диваном *читателя из среднего класса*, по недосмотру открывшего книгу Павловского, разверзаются неслыханные, немислимые бездны. Оказывается, частной собственности в отечестве как не было, так и нет. Волны приватизаций и рыночных реформ расплескались и оставили на бреге неведому зверюшку – единственного полноценного собственника в РФ, которого (за неимением правильного названия) автор именует Гениальной властью (ГВ©). Но если это и власть, то «отказавшаяся управлять» во имя восстановления суверенитета. «Под именем вертикали» она создала «оригинальную и надежную систему скупки-кредитования управляющих групп», «переустроила местную власть в режимы управления собственностью»...

³ <http://www.izvestia.ru/news/512370>

Всё, чем ГВ© владеет – собственно, международно-признанный суверенитет, то есть монополярная собственность на все движимое и недвижимое, кое угораздило попасть на момент беловежской конвенции внутрь периметра «границ РФ». История про то, как сформировались эти самые границы, кстати, посрамляет иронические фантазии Лема и Стругацких, и читателя среднего класса (ЧСК™) лучше от неё поберечь.

Так или иначе, но сколько-нибудь надёжная собственность, будь то частная, корпоративная или кооперативная, существует разве что вне этого периметра, но никак не внутри. А внутри если что и «ваше» – то по согласованию, с разрешения и при условии, каковое условие трудно зафиксировать, зато всегда не возбраняется изменить. И хотя договориться, по счастью, здесь можно обо всём, но все договорённости носят условный характер и могут быть пересмотрены условно-досрочно.

Желающие стать полноценными собственниками (а желание это вроде бы считается похвальным) видят один путь: уволочь тайком что-нибудь за периметр и там, мучительно глотая судебную пыль, добиться его признания и оформления без «договорённостей», то есть по юридическим канонам. Но увы, для собственности граница на замке. Ежели какое имущество, случилось, и утекает чудом, то на чужбине нигде не может легитимно приткнуться без вывозного сертификата от Сечина. Да и прирастать такая недособственность способна только с санкции и под негласным надзором ГВ©. Кстати, прирастает на российской зоне куда бойчее, чем откинувшись с неё. Но теперь возвращаться под казенную эгиду боязно – смущает участь севрюжины, вполне конституционно лишаемой хрена... Для тех же беглых средств, что добровольно решатся подпасть под амнистию, назад путь один – в plombированном вагоне, под видом инвестиций германского либо кипрского генштаба.

По мере ознакомления с эпическим полотном Павловского у ЧСК™ на лбу рефлекторно проступает ряд вопросов.

- Неужто всё и впрямь так ужасно? Не исказил ли автор картину в угоду неким силам?
- Как же всё-таки устроиться с собственностью в РФ? Может, можно как-то получше договориться с ГВ©, или даже помочь ей – похоже, она и сама порой не рада собственной гениальности...
- Коль скоро ГВ© неискоренимо порочна, нельзя ли демократично отринуть её тем или иным болотно-сахарным способом (по возможности, без шума и пыли), дабы новая пожаловала нам тут же права неограниченной собственности?
- Если поймать правильную собственность тут никак не получается, как бы, прихвативши с собою добро, уехать туда, где его удастся правильно оформить?

По поводу первого, заметим: если верить автору, всё у нас на поверку оказывается не так и ужасно. Ведь подсознательно ЧСК™ настраивался на раздувающие вены, неслыханные злоупотребления и невиданные грабежи с их последующим разоблачением. А тут выходит – и коррупция вовсе никакая не коррупция, и многие проблемы и провалы ГВ© находят чуть ли не естественнонаучное объяснение. Где теория заговора? Где списки проклятых расхитителей капиталистической собственности? На странице 23 автор проговаривается: «Сто миллиардеров РФ – блестящая придворная свита для власти. Вопреки общепринятому мнению, эти люди не воровали – они рисковали и, сделав ставку на Путина, выиграли». А Ходорковский, выходит, не на того ставку сделал. На себя?

Обличительная мощь и пафос текста местами сознательно умерены вкрадчивым дискурсом адвоката с неуловимым послевкусием апологии.

Последние два вопроса порождены внутриклеточной, на уровне митохондрий, убежденностью ЧСК™, что ему точно известны стандарты «нормальной собственности» и перечень мест, где они воплощены в жизнь. Ту тикетс ту Даблин? Уверены, что туда, блин?

В фильме Тарковского «Солярис» есть эпизод, где главный герой ведёт содержательную беседу, а камера тем временем наплывает ему на ухо, во весь экран вырастает крупный план – и вот перед изумлённым (а пуще раздражённым) зрителем простирается зловещий, отталкивающий пейзаж неизвестной планеты. Бугры с отрицательной кривизной и провалы, усеянные чахлой растительностью, зияющий бездонный кратер... На деле режиссёр смотрит на простого советского человека (в исполнении евроактёра Баниониса) отстранённым, чуть более пристальным взглядом, в ином ракурсе и масштабе.

Русская пиццаль вечно бьёт то с перелётом, то с недолётом. И мы не видим цены своих попаданий и промахов. То в самоуверенность завтрашнего дня вдруг хлынет горлом архаика – то по самые глаза в грязи прошлого не чувствуешь ресницами трепет будущего.

Риску предположить очевидное. Полотно Павловского – не памфлет, не гротеск, а добротная операторская работа документалиста по поводу того, как устроена *типичная современная собственность в обычной стране*. С поправкой, естественно, на национальную специфику – но та ничью социальную траекторию ещё не смогла всерьёз и надолго вывести из широкого русла мейнстрима, несущего всех в океан глобального Соляриса.

Только вот ведь незадача. Чтобы удостовериться в этом, ЧСК™ надо отдать себе отчёт: ему решительно не с чем сравнивать картинку Павловского. Нет у него никакого стандарта «правильной собственности», нет вообще ни малейшего представления, что она такое, как и зачем живёт. Он никогда не интересовался этим, довольствуясь ростопчинскими афишками «экономикс». Перед сном читал свой блог. Много думал.

Так что за птица эта собственность? И в чём особенная статья нашей птицы-тройки – в версии ГВ©? Для ответа на такие вопросы мало смотреть коренному в зубы и шарить в гривах пристяжных. Нужна, как минимум, некая классификация современных форм и эволюция исторических типов. Об этом – ниже.

Царствие проектное

«Проектного предпринимателя нисколько не смутит, коли обладателем всех ресурсов будет самодержец»⁴

12.01.26. О животном, делающем собственность

В гениальной книге «Гениальная власть!» Павловский правдоподобно изумляется диковине: рентгеновскому снимку российской двуглавой власти-собственности. Читатели дивятся, как кремлёвский папарацци ухитрился протащить под полый компьютерный томограф через Спасские ворота.

Но удивительное рядом: на откровенном снимке – не эндемичный мутант, а новейшее достижение эволюции, неказистый прототип грядущего абсолютного хищника.

⁴ <http://www.izvestia.ru/news/512896>

Исподволь он уже пробует на зубок континенты.

* * *

В хрониках «Общественного животного» (обидное, но меткое прозвище «ζῷον πολιτικόν» дал нам Аристотель) обновляется даже не эпоха – эра. Она наступает, а животное отчаянно отбивается, не желая ни вымирать, ни развиваться.

Вот эволюционный ряд:

- Промышленная эра – «Животное, делающее орудия» (Toolmaking animal, Homo Faber).
- Настоящая (пока не вполне) эра – «Животное, делающее проекты» (Projectmaking animal, Homo Ludens).
- Будущая эра – «Животное, делающее смыслы» (Meaningmaking animal, Homo Sapiens).

До Сапиенса трудяге-Фабери как до звезд – привстать бы с четверенек! А вот Людены настойчиво обживают наши пажити с начала прошлого столетия. «Открыв сомкнуты негой взоры, // Россия вышла в неглиже // Навстречу утренней Авроры, // Готовой к выстрелу уже». Страна-подросток, страна-проект. Канала только не хватало. Пафос социалистического строительства, о котором робко напоминают коттеджные стройки в Пафосе.

Вот мы и проснулись на заре второго века Проектной эры.

Ныне только Projectmanager имеет право на звание человека. Земледельцы с машиностроителями, как и культурологи с визажистами – неполноценные существа: для первых солнце закатилось, для вторых – не взошло.

Как водится, в новую эру предстоят три эпохи:

- Первобытная. Экономические игры. Собирачество проектов (как цепочек добавленной стоимости) – рейдерская охота – кустарное проектоделие и проектоводство.
- Средневековая. Политические игры. От артелей до картелей: проектные предпринимательские цеха и корпорации.
- Национально-рыночная. Стратегические игры. Индустрия «инноваций» – проектный суверенитет – проектная идентичность.

Как обычно, все три стремятся наступить разом, толкаясь без очереди и наступая на аксиологические мозоли друг другу. В Советском Союзе попытались ударно прожить их в обратном порядке, от конца – к началу. Новейшая инновационная блажь опять влечёт нас, минуя прозу управления капитализацией, к кисельным берегам нано-когно-электрификации.

* * *

Что представляет из себя проектная ситуация – поле игры для Homo Ludens?

Орудие – это явление или вещь природы, которые человек присвоил и приспособил для собственных нужд. Но «животное, делающее орудия» – не особь, а популяция, преобразованная и самоорганизованная стая приматов. Поверх индивидуальных инструментов орудиями служат сами формы организации стаи. Различные способы специализации и кооперирования – орудия (поначалу безоткатные). Формы товаропроизводства, торговли, кредитования – суперорудия. Драккары и кнорры викингов, дороги и дворцовые хранилища минойцев, фабрики, ярмарки и биржи, наконец, банки нового времени – вот башенные орудия, коих понаделало безбашенное животное Франклина, щадя живот свой.

По мере эволюции социальных стай вновь создаваемые орудия по частям расхватываются собственниками – корпоративными, групповыми, индивидуальными. И Homo Faber обнаруживает, что влип в паутину частных интересов, порабощён напастью

собственности, повязан ею по рукам и ногам, стал её заложником.

Пытаясь создать новое супер-орудие с помощью набора старых, он видит, что далеко не всё из их списка принадлежит ему. Недостающие орудия прямолинейный Faber умеет добывать тремя способами: а) захватить, б) подчинить или в) купить. Ни на один у него не хватает вертикали: ни силы, ни власти, ни капитала. Он отступает перед властью собственности. Наступает время Homo Ludens.

Проект – рискованная, взрослая игра, в которой собственники старых орудий договариваются о правилах их временного объединения, взаимного доступа к ним для производства нового. По правилам разделения участники получают в произведенном свою долю. С ней можно, затащив к себе в пещеру, поступать привычно, по-фаберовски: как с отдельным, своим орудием. На сей предмет хитроумный Project-making animal изобрёл фондовый, административный и ресурсный «рынки». И теперь тщетно пытается с ними справиться.

* * *

«Игра» и «проект» – два слова, чаще прочих встречающиеся в описании мира шиворот-навыворот, куда мы заглянули через перископ Павловского.

В отличие от Faber'a, Ludens вовсе не цепляется за вещи-орудия – даже те, что постоянно у него в руках, даже созданные им самим. Он понимает, что «личное авто» – обывательская иллюзия. На деле есть длинный список долевого собственников, каждому из которых приходится регулярно выплачивать его «дивиденды» под угрозой лишиться привилегий автовладельца. Прежде всего – это налоговое ведомство, органы регистрации прав, уполномоченные технического контроля, службы безопасности движения, агенты обязательного страхования – тут нет места для иллюзии «свободного выбора», «рыночных контрактов» и т.п. Общество в лице государства имеет долю в любой «вашей» собственности, включая нижнее бельё – не только акт продажи, но и каждая стирка-глажка приносит ему законную прибыль.

Куда существеннее, что Ludens и не нуждается в тотальном обладании вещью-орудием, о котором грезит простофиля-Faber. Ему куда удобнее роль арендатора, управляющего, пользователя. Судите сами: зачем предпринимателю на 100% обладать цехом, который загружен всего на четверть? Сподручнее пользоваться им только когда есть спрос на его продукцию, а в остальное время – передать на баланс организации, которая будет его профессионально чинить, консервировать и сторожить за бюджетные деньги. Доступ важнее (и эффективнее) обладания.

Ну, а как быть с ночным кошмаром Faber'a, что в нужный момент в доступе может быть отказано?

Элементарно, Ватсон. Прочие совладельцы актива будут заинтересованы в вас, пока уверены, что в рамках вашего проекта данный актив принесёт высокую добавленную стоимость. Умеющий делать проекты (Project-making) получит доступ к любым вещам-орудиям. Не умеющий – потеряет всё согласно известной теореме Коуза. Компетенция рождает власть.

Проектного предпринимателя нимало не смутит, коли обладателем всех ресурсов в царстве-государстве будет самодержец, а распорядителями производственных фондов – уполномоченные бояре. Вот пусть они и парятся с «бюджетниками». Ludens нуждается только в доступе к орудиям, только в пользовании активами.

«Гениальная власть» (по Павловскому) уже дошла своим умом, что «ночному сторожу» на скудных нивах нечего сторожить. Чтобы выжить – надо что-то предпринимать. И засучив рукава, пустилась торговать ворованным первородством суверенитета. Избывать антрепренёрские архетипы, неся при этом фритредерскую чушь.

Беда в другом: покуда функции генерального обладателя-распорядителя народного

добра она исполняет кустарно, ненадёжно, пристрастно, с вопиющими транзакционными издержками. Безумно рискует сама и берёт нас в заложники рисков.

Но об этом – в следующий раз.

Птичий рынок приватизации

**«Снятая с хозяина, как скальп, собственность
усыхает. Она ведь не вещь, а сущность вещи»⁵**

12.02.02. О том, в чем главное зло экспроприаций и приватизаций

Запечатлённую в гениальной книге Павловского «Гениальную власть» (ГВ©) можно проклинать и осмеивать, опасаться и воспевать, но прежде всего – придётся принять как жизнеспособную данность, чьё устройство укоренено в порядке бытия. Не только русского, но мирового.

Двухвековое течение общественной мысли в институциональном русле пробило путь к новому океану. Имеющим глаза – открыты смыслы наступившей эры.

На высоком языке философов – это преодоление человеком социальной объективации, возвращение к собственной сущности из плена отчуждённых общественных отношений.

Конкретнее, политэкономичнее: поэтапное овладение формами собственности, их превращение из стихийных «невидимых рук» – в производительные силы, в инструменты роста и развития.

Ещё конкретнее, проектнее: социально-инженерная работа по управлению производительностью общества через конструирование всё более интегральных, системных форм хозяйствования, снятие транзакционных издержек.

Совсем конкретно. Homo Faber завершает трудовую биографию тем, что производит на свет суперорудие, универсальную саморазгоняющуюся машину – капитал. Историческая карьера Homo Ludens открывается отчаянной борьбой с буйством этой машины – циклическими кризисами на рынке капиталов, несущими на крыле чуму революций. Его первый чудо-проект – *управление капитализацией*, первый шаг к управлению производительностью.

Большевики начали с истребления капитала, творчески перетолковывая марксово «Aufheben» как «уничтожение». Неграмотные люденсы под наукообразным лозунгом «экспроприации» перебили старорежимных фаберов. Тщетно классики бубнили в учёных трактатах, что предпочтительная форма экспроприации – выкуп предприятий и банков у собственников. Табуретку частной собственности вышибли у себя из-под ног, вздёрнув страну в петле разрухи.

Разрушение – фальстарт для созидания. Но гениальная (по Павловскому) советская власть, взорвав классово-чуждый фундамент, подсунула вместо него протез НЭПа, а в дальнейшем ухитрилась почти достроить здание современной собственности сверху вниз, методом скользящей опалубки. Была жестокая объективность военно-стратегического противостояния. Была огромная воля – строить. Волны этой воли, проектами накатываясь и ломаясь о контуры незримых универсальных институтов, намывали стены и этажи вполне

⁵ <http://www.izvestia.ru/news/514005>

современного по тем временам здания нормативной экономики. Но до нового фундамента дело не дошло. Робкий косыгинский адюльтер с частной инициативой не устоял перед номенклатурными фобиями. И небоскрёб общественно-государственного хозяйства, лишённый слоя-сословия собственников, так и остался парить как Лапута на воздушной подушке идеологии.

Что сравнится по разрушительности с военным коммунизмом, его машиной экспроприаций? Теперь знаем: шоковый либерализм, гильотина приватизации.

Якобинцы ГВ© тоже начали с фальстарта – самоедской догмы, будто созидание частной собственности достигается разрушением общественной путём её легального распила. Гениальность ГВ© в том, что, понемногу приходя в сознание, она не позволила безбородым аятоллам псевдолиберального фундаментализма довести самоубийство страны до логической развязки. В Кремле и Белом доме завелись оппортунисты, исподтишка потрафляющие агентуре корпоративной интеграции, нэпманам промышленной и социальной политики.

Невозможно довести до конца экспроприацию частной собственности по-советски – как невозможно и доприватизировать общественную по-русски. Обе операции, чреватые катастрофой, нарвались на контрудары невидимой институциональной руки. В обоих случаях гениальная собственность окоротила догматиков идеологии, науськав прагматиков власти.

ГВ© в России – странноватый, протезный, зародышевый, да, но – вполне себе закономерный и безусловный вид самосохранения общенациональной формы собственности, в рамках которой все прочие условны и зависимы.

Экспроприация, будь то военно-коммунистическая, будь то рейдерская, столь же деструктивна, сколь и либеральная приватизация: крупные комплексы собственности – помещичьи усадьбы, капиталистические заводы, социалистические тресты – можно отнять, но нельзя разделить. Пилитьщикам достаются головешки остаточной бухгалтерской стоимости.

Собственность неотделима от собственника – это ведь его сущность, его «пучок прав», его система отношений с другими, иными собственниками. Измениться – стать более общественным или более частным – может только он сам, а не абстрактно приписанные к нему бессловесные орудия. Снятая с хозяина как скальп, собственность усыхает. Она ведь не вещь, а сущность вещи, узел связей собственников по её поводу. Это верно и в отношении частной собственности, и общественной, и корпоративной – любой.

Наконец, затея приватизировать общественную собственность, отняв её у страны-собственника и растащив по частям, сродни дикарской идее поделить электричество, разрезав и раздав лопатки турбин и куски проводов. Впрочем, и более изощрённые попытки реформировать отрасль – как теперь уже известно – привели к сходному результату. Речь вовсе не об одной энергетике. Попытки непросвещённого насаждения «рынка» в транспортном хозяйстве ведут к тому, что порожний пробег вагонов чуть не вдвое побивает показатели отстойной плановой эпохи, а капитализация белым теплоходом идёт ко дну...

За предгорьями этих бед грозно высится фундаментальный закон, сродни принципам сохранения. *Только восхождение от локальных форм собственности к интегральным способно дать прирост производительности*: новую мощь, возросшую эффективность, добавленную стоимость. При условии, конечно, что интеграция сообразна институциональной органике собственности – а не подменяется «волюнтаризмом» (он же «ручной режим») сгребания куч рейдерской добычи и конфиската в конторы, не способные управиться с ними по-хозяйски. Аналогичный принцип действует и в природе: синтез водорода с кислородом производит воду и добавленную энергию – а

расщепление воды на два газа энергию пожирает.

Главное зло приватизаций и экспроприаций даже не в их несправедливости. Оно – в обрушении совокупной производительности общественного организма из-за разрывов социальной ткани. Суммарная капитализация частей собственности, распиленной приватизаторами, растащенной рейдерами – всегда в разы меньше, чем у целого. Это корневое свойство, предопределяющее заоблачную цену любого распила и захвата, действенно и в малом, и в большом. Чтобы ненадолго прибрать к рукам «союз», Горбачёв сдал треть земного шара – «социалистическое содружество» вкуче с «прогрессивным человечеством». Это была, похоже, величайшая сдача в истории. Ельцин выкупил огузок РФ (в кочерыжечных границах разбазаренного кочана «РСФСР») ценой раздачи кусков суверенитета подсуетившейся региональной номенклатуре «республик». Но позднее ему хватило заднего ума согласиться вручить лихое богатство преемнику добровольно, без новых сдач.

Какая приватизация, какой распил суверенитета готовятся теми, кто (из лучших побуждений, как и прежде) точит зубы на недоношенный институт преемственности? Проблема не в том, что «к власти рвутся силы, желающие передела собственности». Это как раз в порядке вещей. Беда в ином: имеют ли грядущие гении власти (ГВ©) начальные знания о том, что именно, как и с кем предполагается делить? Обучены ли – наряду с врождённой способностью к делению – умению умножать?

Всенародное голосование, страдающее поколенческим склерозом, время от времени выносит к кормилу неменяемых, искренне твердящих газетную чушь, будто «власть должна быть отделена от собственности» и т.п. С клетки попугая ветер перемен сдувает покрывало – и тот спросонья горланит фразы, которым его наскоро обучили на птичьём медиа-рынке. Дебюты канареек и дятлов в роли геральдических орлов чреватые десятилетиями социальных вивисекций и катастрофического распада.

Перемены неизбежны. Изменяться необходимее, чем плыть. Об этом – в следующий раз.

Страна восполняющего развития

«Проектная экономика физиологически зависима от институциональной инфраструктуры целостного национального проекта»⁶

12.03.15. О главных ошибках главного российского собственника

Социальное существо, в гениальной книжке Павловского поименованное «Гениальной властью» (ГВ©), представляет собой международно-признанную (и в силу этого «естественную») монополию – хозяина всех природных ресурсов страны в её нынешних границах. Не обладая реальной властно-управленческой вертикалью, но виртуозно пользуясь своим положением «обладателя», она встретила региональные и отраслевые группы политических и бизнес-элит в иерархию условных собственников. По особому мановению они получают доступ к природным ресурсам, распоряжаются производственными фондами и пользуются активами – на условиях, увы, подверженных

⁶ <http://www.izvestia.ru/news/518589>

перманентному пересмотру. Любой вид самостоятельной активности этих собственников за рубежом подвергается контролю со стороны монополии, а их дееспособность признаётся зарубежными партнёрами только при условии подтверждения с её стороны.

Но и «самобытность» этого социального субъекта, и его «порочность» – не более чем кажимости. Перед нами, повторюсь, ранний вариант институциональной структуры «страны-собственника», типичной для всей наступающей эры исторической эволюции обществ. Выражаясь точнее – крайне примитивный, недоношенный экземпляр одного из высших её типов. К слову, не случайно его угораздило появиться на свет именно здесь. То, что предстаёт его недостатками, на деле зачатки новых достоинств.

Мы – в мейнстриме, в основном его русле, но в отрыве от основной массы, нас не впервой занесло в авангард. Мы балансируем на маргинально-опасной грани между отщепенством и лидерством. И чтобы уцелеть, должны совершать осмысленные возвратно-поступательные движения: то прикикая к энергии, опираясь на плоть основного потока, подтверждая свою легитимность в качестве его части, восполняя прорехи и разрывы в своём теле трансплантатами из его тканей – то возвращаясь к себе, чтобы подтвердить и возобновить самость-идентичность.

В чём главная беда новословного хозяина России-РФ?

Покуда руки его уже нащупывают адекватную нить хозяйственной политики, отставшая на два века голова продолжает бредить о прелестях и перспективах частной собственности.

Идеал стопроцентно надёжной, неотчуждаемой частной собственности, во-первых, всегда являлся обывательской иллюзией. Уберите общество – исчезает социально-магнитное поле, которое только и превращает материальные объекты в «собственность». Робинзон – не собственник, он лишь одна из тварей, обитающих необитаемо. Уберите государство – за вашим барахлом явятся рейдер или браток. Уведите этих двух – обыватель сам рысью ринется закладывать последние штаны в залог или ломбард, и не факт, что они оттуда вернутся.

Во-вторых, этот идеал, так и не будучи принят к практической реализации в наших палестинах, в мире уже успел устареть. Современный предприниматель создаёт новую собственность, а не коллекционирует старую, которую рассматривает скорее как обузу. Ему не требуется ни обладание ею, ни распоряжение – только коллективный доступ. Первый год нового столетия ознаменован, среди прочего, выходом популярной книжки Джереми Рифкина «The Age of Access». К какой бы собственности – своей ли, чужой – предприниматель не прикоснулся, он мигом, как Мидас, производит из неё золото добавленной стоимости, часть которого по праву достаётся ему. Грань между «своим» и «чужим» постоянно истончается.

Сегодня этот навык уже входит в плоть современных обществ, спускаясь от предпринимателей – к обывателям. Велошеринг, система совместного использования велосипедов, распространяется по городам Европы и Северной Америки быстрее чумы. Среди лидеров – Париж, Барселона, Лондон, Гамбург. У любого выхода из метро, торгового или общественного центра красуются стойки с новенькими стильными муниципальными велосипедами, которые в любой момент можно взять, опустив монетки в автомат, а потом оставить на каждой из подобных стоек, разбросанных по всему городу. Нет нужды, подобно частникам-велоантропам, затаскивать своего железного коня в троллейбус, приковывать цепью к дереву у магазина, страдать от уличных вандалов и маяться с ремонтом.

В чём претензии к текущему способу действий ГВ© в качестве собственника?

Во-первых, покуда она хозяйствует в суверенных границах крайне неэффективно. Удельная капитализация единицы российской территории кратно ниже, чем в среднем по

планете. Это не просто катастрофа – тут прямая угроза суверенитету, даже провоцирование глобального сообщества на постановку его под сомнение. Все прочие вызовы и угрозы не только меркнут на фоне этой, самодельной, но и подпитываются ею.

Во-вторых – неумение/нежелание использовать основной ресурс – предпринимательский потенциал нации. То, что власть герметична для растущих политиков и новых интеллектуалов, что не работают кадровые лифты, что молодым волкам некуда себя девать – общеизвестно. Несравненно хуже другое. Будучи монопольным собственником, она должна бы быть шкурно заинтересована в превращении аморфной массы «населения» в коалицию вменяемых собственников – региональных, отраслевых, корпоративных, групповых и частных. Вместо этого она тупо консервирует взрывоопасный статус раздатчика казённых благ толпе социально озабоченных «зарплатников» – современной версии «пролетариев». Эта структура была социальной архаикой уже столетие назад, при первой же попытке модернизации она ввергла страну в пучину смут и мятежей.

В-третьих, идти в русле мейнстрима – значит использовать весь спектр форм собственности как инструмент. Налаживать высокоэффективную открытую систему предоставления доступа ко всем видам национальных ресурсов для тех, кто способен предпринимать. Гарантировать кадровое обеспечение, инфраструктуру, страхование, правовое поддержание системы доступа. Вместо этого хозяйствующая монополия действует как конгломерат втёмную грызущихся охранных агентств, провоцируя риски и подпитывая страхи, загоня утраченных в лабиринт поиска ситуативной государственной защиты в частном порядке. Едва ли этот доморощенный кошмар реализует чью-то злую волю. В 90-е чиновникам никто не озаботился сформировать конструктивную роль в системе управления собственностью. В поисках подножного корма они угодили в «невидимые руки» приватизированных институтов распределения. Отбиваясь от них, как могли, загнали себя и страну в концлагерь «откатной экономики».

Наконец, центральная из проблем хозяйствования власти-монополии (ГВ©) – способ обращения с будущим. Точнее, его игнорирования.

Речь не об очередных стенаниях о сермяжном «большом проекте». Предпринимательский тип хозяйствования держится на том, что оцифрованные элементы будущего вмонтированы в него «аппаратно». Начать с того, что клиринговые взаиморасчёты между участниками любого проекта ведутся в долях от будущего продукта. Ещё элементарнее: в основу оценки стоимости любого актива, вовлекаемого в проект, кладётся прогноз потока добавленной стоимости. Отсюда видно, что современная проектная экономика физиологически зависима от институциональной инфраструктуры целостного национального проекта. Вне его корпоративного русла предприниматели, борющиеся за однотипный ресурс, смертельно опасны друг для друга подобно бойцам спецназа. Старая добрая ценовая бизнес-конкуренция отдыхает в сторонке. Без чёткого государственного образа-плана будущего проектный уклад, едва возникнув, разносит страну в клочья, как плазма – чугунный токамак.

Современная частная собственность в России будет. Но появится не из раздач и распилов – из проектов. Её призван создавать корпус институциональных проектных инженеров. Общественные ресурсы, предоставленные им в условное пользование, будут производить добавленную стоимость. Эта безусловная, предпринимательская собственность, ни у кого ничего не отнимающая, и подлежит приватизации. Об этом – в следующий раз.

Facebook промазал. Кто попал?

«Государство во всём мире сегодня является не только коррупционером, но и революционером»

7

12.09.05. О том, где на деле происходит сетевая революция

Мировая социальная сеть обманывает чаянья инвесторов. С момента выхода на IPO её капитализация просела вдвое, и злобные аналитики пророчат продолжение банкета. Упростим тему для чайников: если бы собственники сети в мае решились её продать на корню, то с пылу с жару огребли бы сто миллиардов долларов, а промешкав до сентября – не наскребут уже и пятидесяти. Полста миллиардов долларов за квартал слизнула языком фондовая корова! Похоже, её покрывал не бык, а медведь.

Заметим: прежде, чем околпачить вкладчиков, сеть уже успела разочаровать пользователей. Многие, грешным делом, грезили, что чудо-авоська плотно свяжет друзей для полноценного общения, добавит социальных валентностей, превратив каждого в многомерное, многоглавое существо. Ну, не то чтоб совсем проку нет – мы получили мультимедийную записную книжку с набором IT-удобств. Но преобразования юзеров в киборгов не случилось, да и не могло. Уже при поголовье Fb-друзей, переваливающим за первую сотню, френдленту впору вплетать в венки на могиле свободного времени. Халиф затравленно мечется по гарему как последняя вокзальная шлюха.

Каковы же утраченные иллюзии инвесторов?

Первая из них – возможность стандартной капитализации социальной сети путём распродажи рекламных площадей, торговых точек и билетов на ярмарку бизнес-невест. На взгляд из офлайна нынешняя сеть – деревенская тусовка на центральной усадьбе всемирного совхоза имени М. Маклюэна. В свободное от пахоты время люди кучкуются, пляшут под гармонь YouTube, лузгают семечки новостей и перемывают виртуальные кости. Деревне без этого не жить, слов нет, и хорошо, что есть такие сети. Только вот вопрос: те ли за это заплатят, кто тусуется? Есть немало институтов, в принципе обществу необходимых, где танцуют девушек совсем не те, кто спонсирует ужин. Больные большей частью не сами платят за лечение, образование, наука, культура, даже пассажирский транспорт дотируются. Вживление туда коммерции болезненно и малоэффективно.

Торговцев, сующихся в храм Facebook, покуда там не особо жалуют. Даже зашедших трудоустроиться препровождают в резервацию LinkedIn. Можно еще как-то представить на ассамблее у герра Питера заморских негодяев, которым из политесу позволяют сделать разовый маркет-меседж. Но вообразить Алексашку, который в вонючем тулупе толкается меж дам и кавалеров, дистрибутируя знаменитые пироги с зайчиной?

При дефиците желающих – по совету Шуры Балаганова – брать сеть частями, возникает достойная великого комбинатора идея торговать ею как целым.

Но инвесторам впиаривают симулякр «Больших данных» (Big Data). По сути это парафраз тезиса старейшего из сыновей лейтенанта Шмидта: Цукерберг нас всех продаст, купит и снова продаст. Представьте: покуда доверчивый пользователь блоггерует односельчанам о сокровенном, навеянном «Пассакалией» Шнитке или монологами Ксюши Собчак – вдумчивые роботы деловито вынюхивают его сетевые маршруты, шарят по «профилям», вспарывая подкладку подсознания, нащупывают в исподнем скрытые потребительские вожеления.

– Вы хотите курить, как я вижу? – неожиданно обратился к Бездомному

⁷ <http://izvestia.ru/news/534483>

неизвестный, – вы какие предпочитаете?

– А у вас разные, что ли, есть? – мрачно спросил поэт. – Ну, «Нашу марку».

Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному: – «Наша марка»...

Словом, такое упорядоченное сетехранилище личных дел, где каждый сам на себя дает материалчик, обещает послужить чуднесым подспорьем как для маркетологов, так и для спецслужб. Это дивная, жирная птица, честное благородное слово. Гусь, Бендер!

Но инвесторы, в погоне за чудо-птицей успев задорого посетить страто- и блогосферу, уже пикируют вниз, к почве. Здесь, в приземлённой сфере электронной торговли, обделённая вниманием медийных эстетов, творится подлинная революция.

Нынешнее поколение российских обывателей, похоже, будет жить при торговом либерализме. Чуть не с детства бродят они с корзинкой по анфиладам Ozon.ru, как рыба крутятся на мелководье электронных барахолок типа «Из рук в руки». Но высокий теоретический смысл этой повседневщины от них ускользает. Современный покупатель, взяв в руки банку неvirtуальной селёдки в районной «Магнолии», способен достать из-за пазухи сетевой гаджет, и, не отходя от прилавка, выяснить всё про товар, его производителя, цены и каналы дистрибуции, мигом глобализируя акт покупки. Ему невдомёк, что в неоклассической теории есть важнейшая аксиома о полноте, бесплатности и мгновенной доступности информации для агентов идеального рынка. В значительной мере на исследовании разнообразных отклонений от неё воздвигается здание современного институционализма. И вот революционный покупатель, сжимая страстно айпад мозолистой рукой, толкает жизнь в сторону обветшалой теории. Означает ли это, что – по примеру ленинцев, осуществивших марксизм на практике – верные джобсовцы воздвигнут здание реального маршаллизма по лекалам XIX века?

И да, и нет. Будущее всегда приходит как зазеркалье прошлого, его неузнаваемое, нежданное возобновление. Новые сетевые технологии, придавая рынку B2B прозрачность на стратегическую глубину, открывают новую перспективу для предпринимательства в смысле Шумпетера, для постановки на поток создания новых бизнесов. Молодые инноваторы из Физтеха, конструкторы цепочек добавленной стоимости, знают, что при реализации бизнес-проектов компетенции нужнее инвестиций. Они на практике реализуют классическое предвидение Эггертсона: «В контексте чисто неоклассической модели использование денег является практикой, которая дорого обходится и лишена какого-либо экономического смысла... ибо агенты могут уладить свои расчеты посредством многостороннего клиринга». Сделай бизнес без денег! – девиз Центра корпоративного предпринимательства МФТИ.

Маргинальный, скромный по масштабам сектор сетевых развлечений, IT-игрушек для взрослых, у которых избыток времени и денег, непомерно раздут в общественном сознании. Считается, что кратчайший путь молодёжи к успеху – выдумать с друзьями электронную погремушку для бездельников, а потом отплясывать с ней конкурсную чечётку на подиумах перед бизнес-ангелами и венчурными фондами. Однако зона прорыва к будущему пролегает совсем не там.

Идеологи последних десятилетий по инерции изображают государство заскорузлой конторой, враждебной духу предпринимательства и модернизации. Но государство во всём мире сегодня является не только коррупционером, но и революционером: главным потребителем на рынке информационно-коммуникационных технологий, инициатором и заказчиком новых IT-систем для освоения новых пространств деятельности. Таких, как G2B (Государство – Бизнес), G2C (Государство – Граждане), G2G (Государство – Государство), E-tendering (электронные торговые площадки). Конкретная картина развития в каждой из этих сфер раскрывает простор для участия компетентных инвесторов и самореализации

молодых инноваторов.

Так, быстро растущий рынок электронных торгов в России контролируется крупнейшими финансовыми институтами, такими, как «Сбербанк» и «Группа ВТБ». Инвесторы схлестнулись в борьбе за долю в капитале основных электронных площадок. Те, в свою очередь, конкурируют между собой на уровне повышения эффективности и внедрения инновационных разработок. Сейчас в разгаре профессиональная гонка за создание интеграционных шлюзов для взаимодействия с общероссийским сайтом госзакупок...

Александр Блок призвал интеллектуальное сообщество всем сердцем и всем сознанием слушать революцию. Но чтобы вникнуть в её симфонию, заглушаемую расхожими шлягерами, необходимо конкретное понимание партитуры.